

ВСЕ НЕВПОПАД

ОППОРТУНИСТ: — Три года я твердил про ведра, — заводы строили. А теперь, когда, пожалуй, и о заводах можно подумать, с ведрами пристают.

Л. Бродаты

НА ДНЕ ЭМИГРАНТСКОМ

— До чего дошли ироды, даже атом разрушили...

ДРЕБЕЗГИ

КАРДИНАЛ С САЛФЕТКОЙ

Парижский рестороновладелец Реноден, умирая, оставил в наследство 11 ночных ресторанов-шантанов парижскому архиепископу, кардиналу Вердье. Архиепископ сдал шантаны в аренду.

Теперь архиепископ Вердье обслуживает свою паству действительно днем и ночью. Только днем — в церкви, а ночью — в кабаках.

ЕСТЬ И ТАКИЕ...

В одной из венских газет некая дама Мересман предлагает безработным питаться очень дешевым салатом из придорожных трав, одуванчика, настурции и фиалки.

Странно, что упомянутая венская дама не включила в это меню еще и жолуди. Или это специальное блюдо мадам облюбовала только для себя?

КОРОВА С ПЕРЬЯМИ

Пресловутый Гитлер выпустил воззвание к берлинскому населению, оказавшееся слово в слово списанным с воззвания Оливера Кромвеля.

Гейне по этому поводу сказал уже заранее: „Если корова скрадет перья у лебедя, — она от этого не сделается птицей“.

КОРОЛИ И КАНАРЕЙКИ

Бывший болгарский король Фердинанд, по сообщению газет, находится „инкогнито“ в Вене и принимает участие в конгрессе по изучению канареек.

Для бывшего монарха занятие самое подходящее. Только канареек жалко: все-таки не совсем приятная компания для приличной птицы.

С ДРЯНЬЮ ВО РТУ

У писателя Уэльса новая смена вех. Теперь в своей последней статье он заявляет:

„Я окончательно раскусил, что такое наш буржуазный быт“.

Странный человек Уэльс: сколько лет уж он раскусывает этот самый быт, а выплюнуть боится.

КАК Я САЖАЛ ЛИПКИ

Вы ДУМАЕТЕ, сажать липку просто? Взял, определил, где корень, и сунул в землю? Ничего подобного. Корень — чепуха. Ежели по рассеянности посадить даже корнем вверх, а веником вниз, — растение немедленно приспособится, не хуже человека. Лишь бы оно получало хлорофил (400 граммов хлора и 400 граммов фила). Нужно там еще сверхурочно кальций, гармоний, хлебные квасцы и ангидрид, но будьте спокойны, — оно само их на месте достанет. Дело не в этом. Главная трудность сажания происходит от невежественного окружения. Выражаясь не научно, — от жильцов. Жилец у нас мало подготовлен. Марья Петровна, к примеру, абсолютно, ледникового периода человек. Бабу с таким характерцем нужно держать не иначе, как в наиглубочайшем леднике и выпускать только на рынки и на театральные диспуты.

Однако расскажу по порядку.

Задумало наше жилтоварищество озеленить двор. Сложились все пятнадцать жильцов по красненькой и уполномочили по сажанию меня как специалиста.

— Он березки на „троицу“ к своему окну прибивал, пускай нас всех озеленяет.

Взялся я горячо. На службу не пошел, а отправился в питомник. Денег жильцовых было со мной сто пятьдесят монет. Отпустили мне в питомнике сорок липок по два рубля и сорок палок по полтиннику.

— А как, — спрашиваю, — насчет научного удобрения поверхности почвы?

— Возьмите у нас перегнившего навоза. Лучшее удобрение.

Хорошо. Отвалил еще пятнадцать рублей. Ломовой транспорт обошелся в пятьдесят руб., и получился непредусмотренный перерасход в полтора червя. „Ладно, — думаю, — мелочь, произведем дополнительную раскладку, зато — по всем правилам науки“.

Привез благополучно. Всю дорогу самоотверженно держался за корни, чтобы не забыть, где низ.

Стал сажать. Одному неспособно. Просто технически неудобно. А помочь — некому. Народ на работе. Хорошо еще—вышел четырехлетний Витюшка. Посмотрел и спрашивает:

— Дрова хочешь получить?

— Нет, сажаю для красоты.

— Какая же красота от деревьев?

— Ты, Витюшка, не рассуждай, — лучше держи, а я буду закапывать.

Посадили мы липки строго научно, с удобрением и, главное, корнями в землю для правильного обмена веществ.

К вечеру подошел народ. Сперва похвалили, но, когда я об'явил о дополнительной раскладке, поднялась демагогия.

Первой закипела Марья Петровна:

— Опять раскладка! Ни за что! Не дам принципиально! Между прочим, позвольте узнать, для чего вы перерасходовали общественные суммы?

— Как, для чего? Растению нужны кальций гармоний и ангидрид, ну и купил, — робко ответил я.

— Знаем мы эти кальции-гармонии! Все сажают без кальциев, а вы не можете. И что за народ — общественного рубля доверить нельзя.

— Позвольте, у меня есть оправдательные документы...

— Знаем мы эти оправдательные документы!

И тут же накинулась на липки.

— Да разве это саженцы? Разве такие бывают настоящие саженцы? Это какие-то недомерки. Неужели по два целковых?

А Иван Александрович возразил:

— Наоборот, Маша, они слишком большие. Они скорее перестарки.

— Ну, тогда он просто купил по дешевке подержанные. Во всяком случае, я решительно отказываюсь еще раз платить.

— Да ведь только по полтора рубля. Исключительно за научную подготовку почвы.

— Знаем мы эту науку! Нечего нам втирать очки.

— Чорт с вами, — приму на свой счет...

Друзья даже посочувствовали.

— Да бросьте к нему приставать. Если с полсотни и нажил, так без этого нельзя. Другие хапают по тысяче.

А дома еще жена спрашивает:

— Неужели ты польстился на такую мелочь?

— Чего там польстился! Своих израсходовал пятнадцать целковых.

— Еще глупее. Сколько раз я говорила: не связывайся, не связывайся.

Весь вечер по жилтовариществу ползали мрачные слухи. Марья Петровна бегала с ожесточением по всем квартирам.

На другой день иду по двору, боюсь взглянуть в окна.

„Вот он, — думают, небось, — наш озеленитель: набил себе карман на кальциях-ангидридах“.

А из-за помойки кричит вчерашний мой приятель Витюшка:

— Зюлик! Деньги украл!

Нет, товарищи, сажать деревья не просто. Жилец у нас — ну, прямо, свинья под дубом. Научного подхода совсем не принимает и вообще при финансовых затратах смотрит подозрительно, как собака на сене.

При чем, заметьте, главное страдание еще впереди: липки могут и не приняться. Кстати, не меняет ли кто комнату? Могу дать свой адрес. Комната хорошая и двор с озеленением.

Б. Самсонов.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Скорый Москва — Сочи готовился к отходу. Мужья, провожавшие жен, вытирали губы для прощальных поцелуев и с мучительными усилиями нагоняли пристойную грусть на неприлично веселевшие лица. Табун электрических порожних тележек с грохотом мчался по платформе. Лихие багажные ковбои насвистывали „Марш Буденного".

Раздался звонок, паровоз крякнул, и поезд тронулся. В купе нас было трое: тощий волосатый мужчина в пенснэ с двояковыпуклыми стеклами, солидный лысоватый гражданин в мешковатом сером костюме и русской рубашке, расшитой петухами и рыбками, и я.

Попутчики мои оказались людьми крайне узких интересов и взглядов. Всю дорогу гражданин в рубашке с петухами и рыбками на подоле читал толстый фолиант: „К вопросу об искусственной линьке мериносов". Он был овцеводом. Его шерстяной мир, казалось, был недоступен для явлений и лиц посторонних овцеводству. Овцы вытоптали и начисто обглодали скудные пастбища его сознания. Он мог думать и говорить только о мериносах, метисах, каракулевой овце и — на десерт — об искусственном обсеменении грубошерстной матки в совхозе „Красный Крым".

Второй попутчик, оказавшийся бухгалтером-отпускником, проявил себя нежным и пылким семьянином. На каждой станции он отправлял домой телеграммы стандартного содержания:

„Тоскую тчк Целую тчк Еду благополучно Васюк".

Нежный Васюк охотно рассказывал нам о своих семейных делах. Мы узнали, что он очень любит свою жену, которая подарила ему двух девочек-двойняшек Дусю и Мусю, что он не понимает мужей, изменяющих своим женам, и что он не знает, как выдержит месячную разлуку с горячо любимой супругой. Как умели, мы с овцеводом утешали бедного Васюка. Овцевод даже рассказал ему назидательную историю.

— Один меринос, — рассказывал овцевод, — был до того влюблен в свою самку, что, когда последнюю пришлось зарезать, хотел покончить с собой и прыгнул с обрыва в овраг.

— Разбился? — спросил бухгалтер с грустью.

— Нет, — ответил овцевод, — не разбился. На дне оврага паслось другое стадо. Меринос-вдовец тотчас же выбрал себе одну овечку и очень быстро забыл про свою покойную супругу.

Наконец мы приехали в Сочи и остановились в пансионе „Роза ветров". Началась беззаботная курортная жизнь с волейболом, солнечными ваннами и, главное, с морем, несравненным, чудесным Черным морем. Здесь я убедился, как море влияет на характер и наклонности человека.

Первый жертвой моря пал овцевод. Целыми днями он бродил по морскому берегу, прислушиваясь к ритмичному разговору волн, и, беззвучно шевеля губами, силился что-то вспомнить. Его безудержно тянуло к стихам и поэтам.

— Какой простор! — с чувством говорил овцевод, любуясь сочинским рейдом, — какая красота. Невольно вспоминаются слова поэта...

— *„Скажи, свободная стихия,*
Где ты росла, где ты цвела!"

С бухгалтером море сыграло другую шутку. Нежный семьянин Васюк стал чудовищным распутником. Обычно курортные ловеласы специализируются на каком-либо одном типе женщин. Васюку нравились всякие, — толстые, тонкие, блондинки и брюнетки. Днем он заводил знакомство, а вечером отправлялся на свидание. Возвращался он под утро, не высыпался и худел. На заре его будил энергичный бас овцевода, читавшего стихи.

— *„О море, море, кто тебя усеял синими волнами!"*

В один изумительный вечер, когда сумасшедшими голосами кричали цикады и море было лучезарно спокойным, я отправился побродить по пляжу. Овцевод сидел на камне. Волны плескались у его сандалий. На коленях он держал лист бумаги, а в руке карандаш. Закатный нимб окружал его пурпуровую лысину. Сомнений быть не могло: вступивший в последнюю стадию морского психоза овцевод сочинял стихи. Заглянув через его плечо, я прочитал первую строчку.

„Море синее тихо блеяло".

— Ради бога, — сказал овцевод, узнав меня, — подскажите мне рифму на „блеяло" кроме „блевало". Этот проклятый глагол прилип ко мне, как репейник к курдюку!

Я понял, что он безнадежен, и удалился. За поворотом я увидел бухгалтера. Приложив ладонь щитком к близоруким глазам, он напряженно всматривался в маячившую вдали белую фигуру.

— Посмотрите, какая интересная женщина, — сказал бухгалтер, подмигивая, — она стройна, как пальма. Тсс! Сейчас она будет купаться.

Приглядевшись к белой фигуре, я узнал доктора Финкеля из пансиона „Роза ветров". Доктор прямо в халате вышел подышать вечерней прохладой.

— Очень интересная женщина, — согласился я с бухгалтером, — в особенности красива ее борода.

Бухгалтер опешил. Но ему жаль было расставаться со своим миражем. Он поспешил заявить, что любит бородатых женщин.

— Это очень экзотично, когда у женщины борода, — сказал он.

— Ну, идите поухаживайте за ней, — посоветовал я ему.

Шли дни, надо было возвращаться в Москву. Судьба свела нас трех в одном вагоне. Когда качнулся и поплыл резной сочинский вокзальчик, я потрепал загорелого овцевода по округлившейся коленке и весело сказал:

— Ну, что, старина, нашли вы рифму к „блеяло" кроме „блевало"?

Овцевод густо покраснел, отвернулся, достал с верхней полки знакомый фолиант „К вопросу об искусственной линьке мериносов" и молча углубился в чтение. Морской психоз кончился. Овечьи отары возвращались на родимые пастбища. Тогда я обратился к бухгалтеру:

— В соседнем вагоне, — сказал я, — едет замечательная женщина.

Бухгалтер не слушал, он сочинял телеграмму жене.

„Тоскую тчк, — прочитал я, — Целую тчк Еду скорым Васюк".

— У этой женщины, — продолжал я соблазнять бухгалтера, — изумительная борода. Ассирийская. Колечками.

Робкий огонек вспыхнул в глазах бухгалтера и тотчас же погас.

— С колечками! — вздохнул Васюк. И прибавил: — Как вы думаете, я успею на следующей станции сдать телеграмму?

А море бежало рядышком с рельсами. Оно было безмятежно тихим и исполненным странного лукавства. Оно напоминало мальчишку, который напроказил и ожидает трепку. Даже дельфины не нарушали сегодня его сияющего покоя. Повидимому, у них был выходной день.

Леонид Ленч.

ВНИМАНИЮ АВИАХИМА

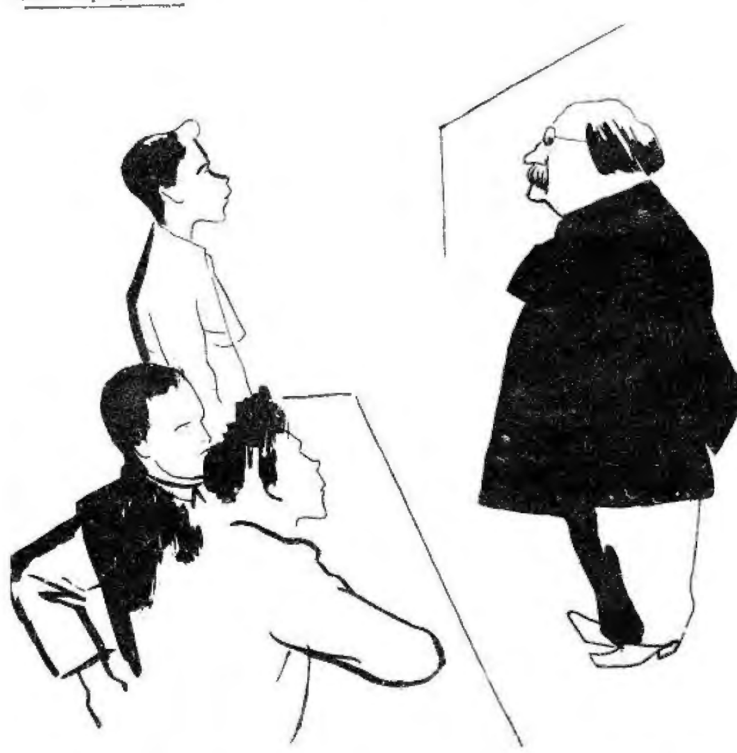
В. Козлинский

— Нынче что-то передача неудачная... Вот вчера доклад был, — так клопы прямо сотнями падали.

НЕ ДО ЭТОГО

А. Бродаты

ПРОФЕССОР: — Ну-с... Что вы знаете про бином Ньютона?

УЧЕНИК: — Спросите у других. Я веду организационную работу.

БОЛЬНАЯ ПЕЧЕНЬ

СТАРИК Чекунов любит поворчать, в особенности, когда у него болит печень. Он ругает тогда всех и все, начиная от кооператива и кончая домашним котом Туркой.

Берет газету,—и каждая статья, каждое сообщение, каждая телеграмма вызывает у него ядовитые, иронические замечания. Он ничему не верит, он во всем видит подвох.

— Вот! — говорит он. — Пишут, что Днепровский комбинат скоро доделают. Наляпали, небось, кое-как, лишь бы с рук сбыть, а потом кричат: „Быстрота! Темпы! Америку перегнали“! Чорта с два!

— Ха!—фыркает он через минуту.—Додумались! Ловля рыбы при помощи электричества! Вы хоть без электричества-то поймайте, — а пыль в глаза пускать нечего!

— Курорт какой-то в Карелии вздумали открывать! Нашли где-то гнилую лужу и кричат, что это целебный источник. Тьфу!

Вся газета прочитывается с такими примечаниями. Единственно чего не ругает старик Чекунов,—это заграницу. Он упорно недоверяет всем заграничным телеграммам о безработице, голоде и беспорядках. Заграница, в его представлении, — это какой-то безоблачный рай, где царят чистота и порядок и где, вероятно, даже и печень ни у кого не болит. Спорить с Чекуновым бесполезно: он стар и упрям. И, кроме того, определенная порция нытья и ругани необходима ему, как лекарство: после этого у него оттягивает от печени.

* * *

В выходной день сын Чекунова, техник, принес откуда-то иллюстрированный немецкий журнал „Вельтшпигель“.

Старик Чекунов долго разглядывал его за вечерним чаем. И, наконец, не выдержал:

— Вот! — заговорил он, похлопывая по широкому развороту журнала.—Вот смотрите! Мы тут всякие годовщины справляем, кричим, что у нас все замечательно. А немцы тихо и спокойно делают свое дело. Ну, куда нам до них?! Вот посмотрите, — тут детские санатории изображены: красота, чистота, гигиена! На берегу моря! Все — веселые, сытые, загорелые! А у нас... Э-э-эх! Погляди, Сонька! Вот тебе бы!..

Младшая дочь Чекунова, пионерка, заглянула в журнал через отцовскую спину и вдруг захохотала звонко и заливисто.

— Ты что, дура? Что ты смеешься?

— Папка! Да это же наш лагерь, в Крыму. Вот это мы умываемся. А вот это—мы на виноградник идем, в колхоз. Вон Катька Огурцова, а вон и я. Ну? Узнал теперь.

Старик Чекунов долго приглядывался к фотографиям. Потом закрыл журнал и привычным жестом схватился за печень:

— О-ох! Чорт знает, какую ерунду печатают! А еще — немцы!

Венум.

САМОЗВАНЕЦ

НЕТ! МОЙ приятель не таков,
Чтоб в жизни чем-нибудь смутиться,
И даже Ваня Хлестаков
Ему в подметки не годится.

Я знал его еще давно
Пройдохой, бестией и франтом,
Не кончив школы, — он в кино
Пошел блистать своим талантом.

Блеснул — и сразу прочно сел
За кучу злоупотреблений.
Потом он вынырнуть сумел,
Служил по сбору об'явлений.

Потом куда-то запропал, —
И слух прошел, что в Ленинграде
Он скэтчи жуткие кропал
И подвизался на эстраде.

И вот недавно я его
Встречаю. Весел, бодр и розов.
— Ну, как живешь? — Да, ничего!
Сменил поэзию на прозу! -

Домишки строю. И-тэ-эр.
Оклад, паек и все такое.
— Ты кто же будешь?
— Инженер!
И он, смеясь, махнул рукою.

— Ты что ж, учился? Где? Когда?
Он подмигнул мне левым глазом:
— Ученье, милый, ерунда!
Работать можно — был бы разум!

Я, между прочим, долго тут
На этом месте не застряну.
Меня сейчас на части рвут.
В десятки мест зовут и тянут.

Ты что — не бросил „Крокодил“?
А то бы я тебя в два счета!..
Сейчас бы вот с тобой сходил,
И завтра — прямо на работу.

Ты с производством не знаком?
Ну, ничего! Привыкнешь быстро!
Я стать решил плановиком,
А ты иди в экономисты.

Теперь в работниках нужда.
Оклад, паек — чего ж ты хочешь?
Прослужишь месяц, — а тогда
Со мною вместе перескочишь.

Не хочешь? Жаль! А то — могу.
Места хорошие — что надо.
Ну, до свиданья! Я бегу!
Звони на службу или на дом.

И, написавши адрес вмиг,
Он сунул мне блокнотный листик:
„Экономист и плановик,
Ученый инженер-статистик“.

Вас. Лебедев-Кумач.

НА КОСТЮМИРОВАННОМ БАЛУ В ЕВРОПЕ

В. Брискин

— Вот чудак, в праздник решил одеться банкиром...

ИХ БИН С ГОЛОВЫ ДО НОГ

Фельетон Ильи Ильфа и Евгения Петрова

БЫЛА СОВЕРШЕНА глупость, граничащая с головотяпством и еще чем-то.

Для цирковой программы выписали немецкий аттракцион — неустрашимого капитана Мазуччио с его говорящей собакой Брунгильдой (заметьте, цирковые капитаны всегда бывают неустрашимые).

Собаку выписал коммерческий директор, грубая, нечуткая натура, чуждая веяниям современности. А цирковая общественность проспала этот вопиющий факт.

Опомнилась только тогда, когда капитан Мазуччио высадился на Белорусско-Балтийском вокзале.

Носильщик повез в тележке клетку с черным пуделем, стриженным под Людовика XIV, и чемодан, в котором хранились капитанская пелерина на белой подкладке из сатина-либерти и сияющий цилиндр.

В тот же день художественный совет смотрел собаку на репетиции.

Неустрашимый капитан часто снимал цилиндр и кланялся. Он задавал Брунгильде вопросы.

— Вифиль? — спрашивал он.

— Таузенд, — неустрашимо отвечала собака.

Капитан гладил пуделя по черной каракулевой шерсти и одобрительно вздыхал: „О, моя добрая собака!"

Потом собака с большими перерывами произнесла слова: абер, унзер и брудер. Затем она повалилась боком на песок, долго думала и, наконец, сказала:

— Их штербе.

Необходимо заметить, что в этом месте обычно раздавались аплодисменты. Собака к ним привыкла и вместе с хозяином отвешивала поклоны. Но художественный совет сурово молчал.

И капитан Мазуччио, беспокойно оглянувшись, приступил к последнему, самому ответственному номеру программы. Он взял в руки скрипку. Брунгильда присела на задние лапы и, выдержав несколько тактов, трусливо, громко и невнятно запела:

— Их бин фон копф бис фусс ауф либе айнгештельт...

— Что, что их бин? — спросил председатель худсовета.

— Их бин фон копф бис фусс, — пробормотал коммерческий директор.

— Переведите.

— С головы до ног я создана для любви.

— Для любви? — переспросил председатель, бледнея. — Такой собаке надо дать по рукам. Этот номер не может быть допущен.

Тут пришла очередь бледнеть коммерческому директору.

— Почему? За что же по рукам? Знаменитая говорящая собака в своем репертуаре. Европейский успех. Что тут плохого?

— Плохо то, что именно в своем репертуаре, в архибуржуазном, мещанском, лишенном воспитательного значения.

— Да, но мы уже затратили средства. И потом эта собака со своим... как его... Бокаччио живет в „Метрополе" и жрет кавьяр. Капитан говорит, что без икры он не может играть. Это государству тоже стоит денег.

— Одним словом, — раздельно сказал председатель, — в таком виде номер пройти не может. Собаке нужно дать наш созвучный, куда-то зовущий репертуар, а не этот... демобилизующий. Вы только вдумайтесь: „Их штербе", „Их либе". Да ведь это же проблема любви и смерти! Искусство для искусства! Гуманизм! Перевальский рецидив! Отсюда один шаг до некритического освоения наследия классиков. Нет, нет, номер нужно коренным образом переработать!

— Я как коммерческий директор, — грустно молвил коммерческий директор, — идеологии не касаюсь. Но скажу вам как старый идейный работник на фронте циркового искусства: не режьте курицу, которая несет золотые яйца.

Но предложение о написании для собаки нового репертуара уже голосовалось. Единогласно решили заказать таковой репертуар шестой сквозной бригаде малых форм в составе Усышкина-Вертера и трех его братьев: Усышкина-Вагранки, Усышкина-Овича и Усышкина-Деда Мурзилки.

Ничего не понявшего капитана Мазуччио увели в „Метрополь" и предложили покуда отдохнуть.

Шестая сквозная нисколько не удивилась предложению сделать репертуар для собаки. Братья в такт закивали головами и даже не переглянулись. При этом вид у них был такой, будто они всю жизнь писали для собак, кошек или дрессированных прусаков. Вообще они закалились в литературных боях и умели писать с цирковой идеологией — самой строгой, самой пуританской.

Трудолюбивый род Усышкиных немедля уселся за работу.

— Может быть, используем то, что мы писали для Женщины-паука? — предложил Дед Мурзилка. — Помните, был такой саратовский аттракцион, который нужно было оформить в плане политизации цирка? Помните? Женщина-паук олицетворяла финансовый капитал, проникающий в колонии и доминионы. Хороший был номер.

— Нет, вы же слышали. Они не хотят голого смехачества. Собаку нужно разрешать в плане героики сегодняшнего дня! — возразил Ович. — Во-первых, нужно писать в стихах.

— А она может стихами?

— Какое нам дело! Пусть перестроится. У нее для этого есть целая неделя.

— Обязательно в стихах. Куплеты, значит, героические — про блюминги или эти., как они называются... банкаброши. А рефрен можно полегче, специально для собаки, с юмористическим уклоном. Например... сейчас... сейчас... та-ра, та-ра, тара... Ага... Вот:

„Побольше штреков, шахт и лав.
Гав-гав,
Гав-гав,
Гав-гав".

— Ты дурак, Бука! — закричал Вертер. — Так тебе худсовет и позволит, чтоб собака говорила: „гав-гав!" Они против этого. За собакой нельзя забывать живого человека!

— Надо переделать... Ту-ру, ту-ру, ту-ру... Так. Готово:

„Побольше штреков, шахт и лав.
Ура! Да здравствует Москав!"

— А это не мелко для собаки?

— Глупое замечание. Москав — это общество спасения на водах. Там, где мелко, они не спасают.

— Давайте вообще бросим стихи. Стихи всегда толкают на ошибки, на вульгаризаторство. Стесняют размер, метрика. Только хочешь высказать правильную критическую мысль, мешает цезура или рифмы нет.

— Может, дать собаке разговорный жанр? Монолог? Фельетон?

— Не стоит. В этом тоже таятся опасности. Того не отразишь, этого не отобразишь. Надо все иначе.

Репертуар для говорящей собаки Брунгильды был доставлен в условленный срок.

Под сумеречным куполом цирка собрались все — и худсовет в полном составе, и несколько опухший Мазуччио, что надо приписать неумеренному употреблению кавьяра, и размагнитившаяся от безделья Брунгильда.

Читку вел Вертер. Он же и давал об'яснения:

Шпрехшталмейстер об'являет выход говорящей собаки. Выносят маленький стол, накрытый сукном. На столе графин и колокольчик. Появляется Брунгильда. Конечно, все эти буржуазные штуки — бубенчики, бантики и локоны — долой. Скромная толстовка и брезентовый портфель. Костюм рядового общественника. И Брунгильда читает небольшой, двенадцать страниц на машинке, творческий документ...

И Вертер уже открыл розовую пасть, чтобы огласить речь Брунгильды, как вдруг капитан Мазуччио сделал шаг вперед.

— Вифиль? — спросил он. — Сколько страниц?

— На машинке двенадцать, — ответил Дед Мурзилка.

— Абер, — сказал капитан, — их штербе: я умираю. Ведь это все-таки собака, так сказать, хунд. Она не может двенадцать страниц на машинке.

— Это что же? — спросил председатель. — Нет, теперь я ясно вижу, что этой собаке нужно дать по рукам. И крепко дать.

— Брудер, — умоляюще сказал Мазуччио. — Это еще юная хунд. Она еще не все знает. Нужно время, цайт. Не надо так быстро шпринген, прыгать. Она хочет. Но она еще не может.

— Некогда, некогда, — молвил председатель, — обойдемся без собаки, будет одним номером меньше.

Здесь побледнел даже неустрашимый капитан. Он подозвал Брунгильду и вышел из цирка, размахивая руками и бормоча: „Это все-таки хунд. Она не может все сразу".

Следы говорящей собаки потерялись.

Одни утверждают, что собака опустилась, разучилась говорить свои унзер, брудер и абер, что она превратилась в обыкновенную дворнягу и что теперь ее зовут Полкан.

Но это нытики-одиночки, комнатные скептики.

Другие говорят иное. Они заявляют, что сведения у них самые свежие, что Брунгильда здорова, выступает и имеет успех. Говорят даже, что, кроме старых слов, она освоила несколько новых. Конечно это не двенадцать страниц на машинке, но все-таки кое-что.

Илья Ильф и Евгений Петров.

КРОКОДИЛИЙ РЕСКРИПТ

Мы, „Крокодил" 1-й и единственный, бич оппортунистов, враг головотяпов, гроза совдураков, гонитель рвачей и лодырей и прочая и прочая, повелеваем:

Наградить орденом „Крокодила" 1-й степени двух заслуженных головотяпов:

1) Администратора кинотеатра „Ударник" Осипова.

2) Администратора 1-го Госкино, в Москве, Дьяконова.

Основание:

Кинобригада Союзкинохроники 10 октября в ударном порядке засняла, смонтировала и доставила 11 октября на самолете в Москву кинофильм „Пуск Днепрогэса".

Вышеизложенные же головотяпы Осипов и Дьяконов отказались пустить ее в прокат, мотивируя „коммерческими соображениями".

Сообщая о сем нашим читателям, „Крокодил" просит их посылать приветствия и поздравления в соответствующих прочувствованных выражениях (можно и крепких) виновникам торжества. Начальству не возбраняется снять с работы носителей нашего ордена.

На подлинном вилами нацарапано *„КРОКОДИЛ"*

ПРИЛУКСКИЙ ФОНТАН

В МАЛЕНЬКОМ украинском городе Прилуках много лет подряд энергично работал большой врачебный коллектив, боровшийся за здравоохранение Прилук.

Больше всего прилукские врачи боялись эпидемий. Но от эпидемий природа миловала Прилуки. Эпидемий не было.

Зато в начале 1928 года в Прилуках появился новый заведующий окрздравом, товарищ Кравченко. В кратчайший срок вышеизложенный Кравченко дал больше работы врачам Прилук, чем, например, тифозная горячка.

Первым уехал из Прилук врачебный инспектор Завитаев, за ним зав. рентгенологическим кабинетом Пономарев, затем зав. водолечебницей Кошевский и, наконец, зав. больницей допра Измайлов.

Добившись этих крупных результатов, Кравченко отнюдь не почил на лаврах.

Наоборот. Решив, что кое-кто из прилукских врачей обладает, повидимому, иммунитетом против него, грозного Кравченки, Кравченко единогласно постановил:

— Внушить и пресечь!

Вызвав к себе в кабинет заведующего вендиспансером доктора Рабана, Кравченко любезно осведомился у него:

— Ну, как, старичок, работаете?

— Ничего, — ответил Рабан, — работаю не покладая рук. За 6 лет моей работы в диспансере не имею ни одного замечания, наладил работу, венерические заболевания все снижаются. и, пожалуй, скоро нам, венерологам, придется стать безработными.

— Вы совершенно правы, — обрадовался грозный Кравченко, — **именно безработными.** Больше того, — **вы уже безработный.** Потрудитесь сдать должность врачу Киселеву.

Но врач оказался неожиданно упрямым. Он начал энергично искать противоядия против сильнодействующего Кравченко.

Президиум РКИ Прилук установил, что нет никаких оснований снимать с работы прекрасного врача с 33-летней практикой, общественника, работавшего в Красной армии. **Президиум постановил вернуть Рабана на работу.**

Но что прилукское РКИ для Кравченко?

В кратчайший срок Кравченко успел выпустить целый фонтан выдумок и вздора, скрепленного печатями и подписями. Разослав это бумажное извержение и наплевав без всякой вины в физиономию заслуженному советскому работнику, Кравченко проследовал в другую область трудиться на той же ниве.

Рабан же вот уж четыре года расхлебывает заваренную Кравченко кашу и пока ничего не добился.

Еще небезызвестный Козьма Прутков говорил:

„Если у тебя есть фонтан, — заткни его!"

Давно пора заткнуть в Прилуках фонтан склоки и спецеедства, пущенный бюрократом Кравченко.

Бен-Гали.

В СЕЛЬСКОМ КООПЕРАТИВЕ

В низовой кооперативной сети еще до сих пор много бюрократизма и чиновничьего подхода к делу.

(Из газет)

М. Черемных

— От чорт! Напугал как... А мы думали, что покупатель. Ведь у нас сегодня по случаю переучета товаров лавка закрыта.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

— Неужели ты веришь в бога?

— Что ты, господь с тобой, я — от'явленный безбожник!

— Что ж ты на каждом слове бога поминаешь?

— Кто? Я? Да ни боже мой...

— Вот и сейчас помянул.

— Ей богу, нечаянно.

— Вот опять.

— О, господи, да что ты пристал ко мне?

— Хочу тебя отучить от этой ненужной привычки.

— Да ну тебя к богу, никакой у меня привычки нет.

— Вот ты даже не замечаешь, что говоришь? Пора бы уже знать, что нет ни бога ни чорта!

— А пошел ты к чорту!

Ольсен.

РОВНЫМ СЧЕТОМ

Бухгалтерия Шварцевского рудника (Донбасс) потребовала от одной судостроительной верфи перевода по почте недополученной копейки.

Если верфь пришлет отказ,
Вы имеете лазейку:
Ведь смекалки-то у вас —
Ровным счетом — на копейку!

АППАРАТ У АППАРАТА

НА ИСХОДЕ чудесного августовского дня председатель Судогодского рика позвонил секретарю райкома и коротко проинформировал о полученной телеграмме. Исполком Иваново-промышленной области предлагал району заготовить в счет централизованного плана 2.000 тонн картофеля. Вечером созвали небольшое совещание, разбили цифры по сельсоветам и колхозам, наметили состав уполномоченных. Через два дня работники уже сидели в селах, „провертывая задание".

В конце пятидневки т. Щенников, областной уполномоченный комитета по заготовкам при СТО, телеграммой № 186 довел до сведения районных руководителей, что централизованный план для них **о т м е н я е т с я**, ибо район выделен для самозаготовок. В рике пожали плечами, оповестили села и колхозы, часть посланных перебросили на уборку застоявшихся хлебов, а часть вернули в район.

Через два дня восстановленный зав. райснабом встревоженно постучал в перегородку и передал предрику телеграфное предписание своего областного начальника тов. Иванова за № 125, где указывалось, что:

*„Годовой план централизованных заготовок картофеля установлен району **1.000** тонн с отгрузкой исключительно текстильной промышленности".*

В шкафах орготдела поспешно разыскивали отложенный список уполномоченных, в президиуме разверстывали план по сельсоветам. В это время принесли телеграмму № 2824, из которой явствовало, что централизованный план заготовок картофеля по району составляет **800** тонн, и весь этот картофель нужно немедленно грузить в **И в а н о в о**. Подписано — член президиума облика — т. Клепиков. Дата — 31 августа.

Имя т. Клепикова в Судогодском районе пользовалось незыблемым авторитетом, и его сообщение не вызывало сомнений. Срочно сообщили колхозам, послали работников, выехал и сам предрика. Поздним вечером 1 сентября посыльный линейного пункта, ухмыляясь, доставил на квартиру секретаря райкома почтотелеграмму за подписями предоблисполкома т. Райхмана и врид уползаг СТО т. Иванова. На сером листке секретарь прочел, что централизованный план району установлен в размере 1.000 тонн. Сдавать нужно **С о ю з с п и р т у**. Задание необходимо довести до колхозов и кулацко-зажиточных дворов к 1 сентября.

Покосившись на подергивающееся от смеха лицо посыльного, секретарь райкома раздраженно стал звонить по телефону во все концы города Судогды, поднимая людей с постели. На рассвете в села выехало 20 новых уполномоченных, кляня эдиссоновское изобретение и аскетическую покорность районных организаций.

К утру телеграф, смакуя, передал новую телеграмму № 53 от уползаг СТО тов. Щенникова, в которой план района определялся в **800** тонн с отгрузкой: ИВТПО — 300 тонн, **Г у с е в с к о м у** ЗРК — 200, **Ш в е й п р о м у** и **М е т а л л з а в о д у** — по 150.

Всердцах зампредрика нацеливался уже на телеграфные провода, решив оборвать их над самым окном линейного пункта. И тогда старик Федосеич, инвалид гражданской войны, принес ему в кабинет спешное письмо за многими подписями и печатями крайплодоовощи. Разломив дрожащими пальцами сургуч, зампред узнал, что с ТПО и Швейпромом дело урегулировано, а нужно грузить 200 тонн в **Г у с ь - Х р у с т а л ь н ы й** и 600 тонн — **п р о м ы ш л е н н о с т и**.

Тем временем в район понаехали представители картофельных адресатов. Их число быстро росло, и скоро на каждые 2 тонны картофеля приходилось по областному уполномоченному. Прозвенев мандатными колокольчиками, по району промчался особоуполномоченный области тов. Сахаров, отдал „в дополнение и раз'яснение" 6 распоряжений и уехал обратно для срочного доклада. Представители терроризировали весь район, вводили в транс секретаря райкома и руководителей советских учреждений. У каждого из них были особые, отличные от других, указания своих организаций, они стучали кулаками по жиденьким столам и посылали бесчисленные запросы в центр.

Развеселившиеся телеграфисты оживленно передавали телеграммы в оба конца — из области в область. Резвясь, примчалась по этому конвейеру новая телеграмма, в которой руководитель Ивкоопплодоовощи требовал немедленной погрузки в **Иваново 600 тонн,** согласно неведомой разнарядке.

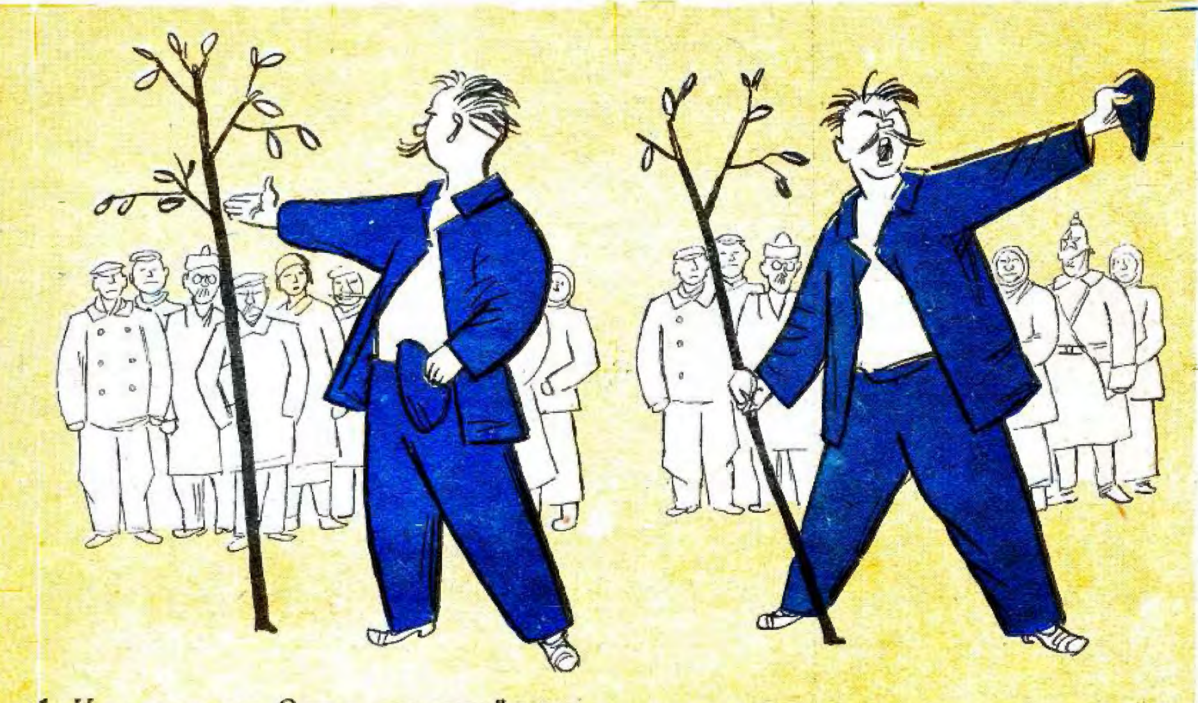
Застонав, председатель рика вызвал монтера телеграфной станции, установил в кабинете прямой провод от линейного пункта и назначил посменные дежурства ответственных работников района. День и ночь они дежурили у прямого провода и принимали распоряжения области.

За последние пять дней из Иванова поступило 7 новых распоряжений. Аппарат продолжает работать.

Л. Ильмень.

В ПЫЛУ ОРАТОРСКОМ

Л. Генч

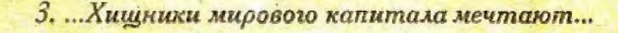

1. Играла музыка. Открывали новый сквер. Выступал оратор.
— Еще наши далекие предки, Адам и Ева, поставили вопрос о фруктовых деревьях.

2. ...В эпоху феодализма помещики вешали на деревьях восставших крестьян...

3. ...Хищники мирового капитала мечтают...

4. ...Но грязные лапы зарвавшихся палачей мы вырвем с корнем...

РАЗГОВОРЧИКИ

СПОСОБНЫЙ РЕБЕНОК

— Папа, сколько стоят игрушки, которые ты мне подарил?
— Пять рублей.
— Купи их у меня за рубль.

В ОХОТКООПЕРАТИВЕ

— Зачем вы продаете мокрый порох?
— На всякий случай, чтоб не загорелся, а то ружье не выдержит.

Крокодил на воде

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ

1.

Я сто лет не был в отпуску. Прочел плакаты, поговорил с приятелями и решил пешком не ходить. Лучший отдых — это Волга. На Волге — воздух, солнце, вода, всякие пейзажи. Красота,—и ботинки в целости. Сегодня достал песенник, созвал друзей и срочно разучивал с ними волжские песни о Стеньке Разине, „Вниз по Волге-реке“ и т. д.

2.

Нет, все-таки мне определенно везет. Постоял в очереди какихнибудь пять ночей, — и билет в кармане. Сажусь в Москве, еду до Астрахани. Пусть эти чудаки, то-бишь туристы, рвут обувь и шляются по деревням. Я буду над ними смеяться из окна первого класса. Итак, на простор речной волны!!

3.

На пароход „Ваня Птичкин“ меня не посадили, но ничего, — через пару часов прибудет „Мечта“, полечу на ней.

„Соловей, соловей, пташечка“...

4.

...Говорят, „Мечта“ потерпела аварию, ей на смену выслана „Ласточка“ — пароход-экспресс. Тем лучше! Ночь, правда, придется провести на пристани, ну да ничего. Устроился на тюках хлопка. Прохладновато, ну да...

„Соловей, соло-..“ Чтой-то совсем холодно! Брр!!

5.

Мне чертовски везет! Сел на пароход, хотя была страшная давка. Смешались в кучу кони, люди. Несколько человек упало с вещами в воду, сломался трап. У меня выпали на дно часы, ну да ничего!

Я успел проскользнуть, жалею только, что попал на экспресс. Он, говорят, мчится, как угорелый, не успеешь и пейзажами налюбоваться.

Итак, в первый класс, на палубу, к солнцу!

6.

В первый класс не пустили: нет мест. Но мне везет. Я устроился не плохо, в салоне, прямо на рояли. Как-нибудь пересплю ночь, а там уж обоснуюсь как следует.

7.

Пароход стоит. Говорят, большая погрузка. Кого-то даже пересаживают на другой—товаро-пассажирский. Я пока остался, закрепился на рояли. С каютой чтой-то дело затягивается. Капитана никак не поймаю: он сидит, запершись, в своей каюте, и, кажется, пьет нето воду... из стакана, нето „газует“ из полбаночки.

8.

Опять стали. Наскочили на плоты. Пробоина в носу парохода, говорят, небольшая. Простоим дня два. Жаль только, что далеко от пристаней. Кроме пейзажей, смотреть нечего. А тут еще веселый буфетчик отстал от парохода вместе с продуктами.

9.

„Телеграмма Москва
Александру Семенову.
Связи аварией остался берегу необитаемом остро без гроша зпт продал ботинки зпт шлите сто зпт отсутствием средств пишу сокращенно зпт хочу добраться подводе“.

10.

„Волга
место аварии Куликову
Сам сижу мели зпт не падай духом тире возвращайся шпалам тчк Счастливого пути Алеша“.

★

К сожалению, ответная телеграмма к месту аварии так и не дошла, ибо подобных мест и приключений на Волге не так уж мало!

Фома Штурвальный.

ВДОЛЬ БЕРЕГОВ

ЕСЛИ ВЫ сели в Киеве на пароход и если ваш курс вниз по течению до Днепропетровска,— не покидайте вашу жердочку на пароходе до конечной пристани. Держитесь за приютившее вас суденышко, как если бы вы свисали с пятого этажа, ухватившись пальцами за карниз.

Иначе пеняйте на себя.

Пишущий эти предостерегающие строки имел неосторожность сделать пересадку в Черкассах.

И поплатился бессонной ночью в ожидании запоздавшего парохода на сыром ветре, под запломбированным амбаром — пристанью.

И все из-за того, что прельстился зелеными кудрями черкасского берега.

Там, на горе, под вековыми деревьями, давно переросшими город, расположился районный центр — Черкассы. Маленький город с исполкомом в бывшей земской управе, с центральной гостиницей — этаким замком со шпилем, какой изображали русские художники, когда писали альпийский пейзаж „по воображению“. И арка в городе, непременная арка, на которой туи высохли и пожелтели, краска вылиняла, а от приветствия, вырезанного из фанеры, остались и повисли на проволоке огрызки слов „ам... ивет“.

Удаленный в меру от пристани, от своих заводов и от станции, этот город столь тих и безмятежен, что, кажется, натянул бы гамак между телефонным столбом и стволом рослого дерева и качался бы до сумерек никем, кроме мух, не тревожимый...

Если невзначай в этом городе шуршит по улицам автомобиль, — медлительные прохожие застывают в удивлении. А бывший служитель культа, спрятавший свои косички в широкополой шляпе, воображает, что в машине едет самое главное начальство и, вскормленный на церковном подхалимстве, срывает шляпу с головы...

В Черкассах пристань неприветлива, как дом с двойными ставнями и цепной собакой во дворе, но это еще не предел в „обслуживании“ пассажира.

Вот дальше по водному пути встает берег, словно отломанный ломоть серого хлеба.

Вот стоят на берегу несколько пассажиров с корзинками; дюжина разбросанных ящиков, рейка с сигналом — воплем о мелководье. Больше ничего.

И когда пароход причаливает к этой, с позволения сказать, пристани, то нет никакой уверенности, что он отчалит.

— Ой, сядем! — замирают пассажиры.

— Кажется, уже врезались...

— Куда он нос поворачивает? Ведь ему...

— Эй, вы! — раздается грозный окрик с мостика. — Кто там мешает судоходству? Не нравится, — берег вот он. Пожалуйте, выходите, кому не нравится!

Но к общему благополучию берег уже отбежал в сторону от парохода.

И красные лопасти обрадованно, шумно выбивают белую кипень из синей воды.

Впереди, в степях, за изгибами Днепра, поднялся черный дымок. Это не люлька старого Тараса дымит, это курит индустриальное Каменское. Седьмую домну уже разожгли на этом месте.

А впереди в дымах — чугунолитейный Днепропетровск.

А впереди за сбитыми порогами — Днепрострой, ДГЭС.

И непременно, как мещанское гнездышко, как те же Черкассы в кольце заводов, — на пароходе окажется засиженная мухами этакая дама с голубым шарфом.

Она вслушивается в разговоры азартных молодых людей. Она тоже говорит:

— Ах, да-да! Все это, быть может, и необыкновенно, и оригинально, и интересно, и... и... н... так далее, ко...

Она ищет туфли непременно на французском каблуке. Представьте, она обшарила весь Киев, но там — какой ужас! — все туфли исключительно на венском каблуке. Что-то ее ждет в Днепропетровске?!

Л. Митницкий.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

„Есть на Волге утес,
Весь он мохом оброс“, —
Распевается песня такая...
Нынче много их есть, —
Всех утесов не счесть,
И на Волге не видно им края.

***

Что ни мель, то „утес“,
Он торчит, как вопрос,
И вопрос этот сложен и труден:
Сколько будет прорех
(Щелканет, как орех!),
Сколько будет пробоин у суден?!

***

Шел к Саратову тес,
Наскочил на „утес“,
Но какие здесь факту причины?
Мы ответ припасли:
Видно мхом обросли
В наших земкараванах машины!

В. Гранов.

ДАЛЬНИЙ ПРИЦЕЛ

Волжтранлесосплав отношением от 29 июля предложил Козьмодемьянскому агентству представить сведения об авариях плотов по 1 сентября.

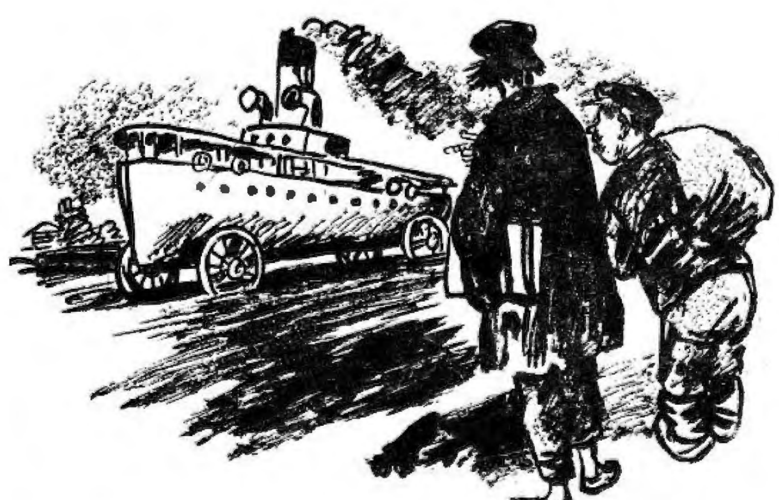
Работнички, как видно, здесь в ударе,
Примеров этаких нам не найти нигде...
Но „роспись будущих сплавных аварий“
Придется вилами писать им... по воде!

Д. К.

КОВЧЕГ НА КОЛЕСАХ

Перекаты на Волге сильно обмелели. В речном хозяйстве Волги сохранилась еще значительная часть совершенно устаревших пароходов.

А. Г.

— *Почему пароход на четырех колесах идет?*
— *Река мелка!*
— *А почему бы дно не углубить?*
— *Нельзя. Пароход потонет!*

БАЛЛАДА О КЛИЕНТЕ И ГРУЗАХ

Баржа № 308 простояла 320 часов в ожидании парохода, который должен был буксировать ее в Кострому и Ярославль.

НА БЕРЕГУ пустынных волн
Стоял клиент, заботы полн...
Была весна, лежали грузы,
Занявши весь пологий брег,
А пароход „Улыбка Музы“
Тащился по системе рек.

Бежали дни, за ними ночи,
Жару сменил осенний хлад,
И гибли грузы „срочно Сочи“,
Худел клиент, тоской об'ят.

Когда заплатами скрепленный,
Пришел за грузом пароход, —
Нашел он брег уединенный
Без клиентуры, без подвод.

На берегу пустынных волн
Обрел клиент конец печальный:
Лишь одинокий старый челн
Качался тихо у причальной.

И долго плавал пароход,
Маня клиентов, чуть не плача,
Клиент не шел на лоно вод,
Доверив груз крестьянской кляче.

Н. П.

Урало — Сибирское издание

ЗА ЗАГОРОДКОЙ

МАГНИТОГОРСК усиленно готовился к проведению районной колхозной ярмарки. Цехи готовили ширпотреб, нарпит готовился сопротивляться требованиям о постройке чайной для колхозников, кооперация готовилась спрятать промтовары, на базарной площади строились палатки, бараки, коновязи. В разгар суеты явились представители политпросветцентра, оглядели ярмарочную площадь, покачали головами и ушли. Наутро явились уже с рабсилой. Рабсила быстро превратила один из давно стоявших возле базара барачков в открытую сцену, а затем приступила к постройке ограды вокруг этой сцены.

На предшествующем открытию ярмарки отчетном собрании представитель политпросветцентра рапортовал гордо:

— Все ярмарочные площадки будут обслужены с присыпкой! Мобилизованы ТРАМ, нацбригады, кружки... Из'явили желание обслуживать колхозников артисты цирка и драматические актеры. Все будут работать, разумеется, в порядке свежего энтузиазма, то-есть бесплатно. Обслуживание будет на большой с покрышкой!

Прибывшие на ярмарку колхозники с любопытством толпились вокруг загородки. Прыткий молодой человек из политпросветцентра рассказывал:

— Открытый театр для колхозников, трудящихся единоличных крестьян, а также для пролетариев города. Искусство на службе революции. Политико - просветительная работа силами ТРАМ, агитбригад, артистов цирка и драмы! Агитация и пропаганда! На большой с присыпкой и покрышкой!

Однако попытка колхозников проникнуть в „открытый“ театр была пресечена:

— А деньги за вход? Бесплатно не политпросвещаем! Поняли?

Сердце не камены! Из будущих доходов от торговли колхозники уделяли полтинники и наполняли отгороженное тырло, политпросвещаясь за свои кровные.

Но ведь сердце же и не вата! На другой и на последующие дни открытый театр явно пустовал. Напрасно старались трамовцы, зря надрывались агитбригады, — колхозник прижимал полтинник и на политпросвещенье не шел.

Спросили тогда у политпросветцентра:

— Почему вы платный театр организовали? За что деньги берете? Ведь все артисты работают бесплатно!

— Позвольте, товарищи! У нас хозрасчет: загородку-то мы ставили. Она тоже денег стоила!

— А зачем вы ее ставили?

— Как же не ставить? Не поставь мы загородку, сколько бесплатных зрителей-то набилось бы! Без загородки нельзя! Вот на Ежовке, пожалуйста, — сколько влезет! Там без всяких загородок!

А на Ежовке было действительно просто: приехали артисты цирка, хотели давать представление прямо на земле, но откуда-то выскочил парнишка с красной повязкой на рукаве и запретил:

— Что-с? Срывать колхозную ярмарку? Подрывать торговлю?

— Да мы не подрывать, — мы из цирка...

— По-вашему, если вы тут представлять будете, колхозники смотреть не станут? Знаю я их, — все к вам потянутся. А торговать кто будет? Не допущу срыва! Удалитесь с ярмарки, а то силой оружия!

. . . .

Теперь нашим хозрасчетным политпросветчикам открылся еще один источник дохода: прямо на базаре поставить балаганчик, посадить туда политпросветцентр и показывать по пятачку, — вот, мол, они у нас какие!

Кто ж за погляденье на эдаких пятачок пожалеет? Можно и по другим городам проехаться.

Влап.

6 ВРАЧЕЙ ИЩУТ ПРИСТАНИЩА

САНИТАРНО - промышленный врач Челябтракторостроя Чермез поздней ночью сидел у себя в комнатке и писал отчет.

В самый разгар этого занятия неожиданно разверзлись хляби небесные и сквозь потолок роскошной шестиметровой чермезовской квартиры хлынул в комнатку всемирный потоп.

Чермез в страхе отодвинулся в угол, но потоп придвинулся туда. Чермез попытался забраться под кровать, но кровать промокла насквозь.

Тогда Чермез схватил свой чемодан и пошел с ним в поисках убежища к своим товарищам, тоже санитарным врачам

Однако не успел доктор выйти из квартиры, как навстречу себе он увидел идущими всех своих 5 коллег, тоже санитарных врачей Челябтракторостроя.

Врачи с чемоданами шли к Чермезу в поисках убежища.

Строгий, но справедливый хозяйственный отдел поставил всех шестерых врачей стройки в одинаковые условия, дав им одинаково неблагоустроенные, полуразваливщиеся хибарки.

Санитарные врачи отправились в заводоуправление.

— Товарищи, — сказали врачи, — известно ли вам, что мы создаем собственную техническую интеллигенцию? Известно ли вам также, что забота о культурном быте специалистов есть обязательная задача производства?

А, между прочим, при таком отношении вы скорее уморите свою техническую интеллигенцию, чем создадите. У нас и так два врача уже заболели.

Хозотдел и заводоуправление удивленно взглянули на врачей и мудро ответили:

— Позвольте, вы, если не ошибаемся, ведь санитарные врачи? Верно?

— Верно, — ответили врачи.

— Ну, так чего же **нам** о вас беспокоиться? Ведь вам о санитарии заботиться надо. Стало быть, куда вас ни помести, у вас везде образец санитарии должен быть.

Этим заботы администрации о жилплощади для врачей ограничились.

Отношение администрации к своим врачам вообще более чем странное. Врачи представляются хозотделу особыми существами, лишенными обычных человеческих потребностей.

Питаться им излишне и даже вредно.

По крайней мере, за месяц администрация выдала врачам в счет жалования и проездных всего по 50 рублей.

Об ордерах для ботинок также говорить не приходится. Зачем врачам ботинки?

В старой кинокартине „6 девушек ищут пристанища“ в конце концов они находят его.

На Челябтракторострое 6 врачей по вине администрации очутились в положении кинодевушек.

Но соответствующего отношения к своим нуждам им пока еще найти не удалось.

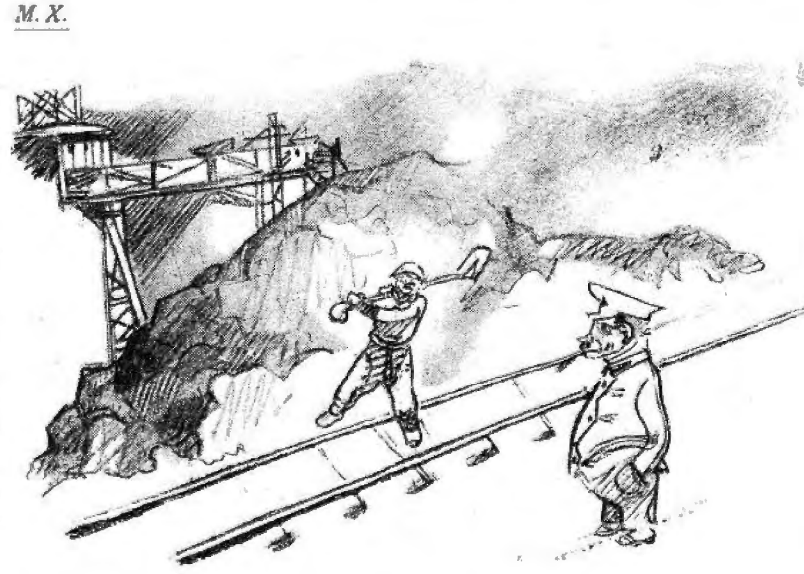
Печально, но факт.

Бен.

ХЛАДНОКРОВНЫЙ ТРАНСПОРТНИК

Томская дорога не подает своевременно вагонов. У эстакады шахты „Поварниха“ скопилось 40 тыс. тонн угля. Уголь начинает гореть.

М. Х.

— Давайте скорее вагоны! Уголь горит!
— А не все равно ему, где гореть?

ПОСТАРЕВШАЯ ДОМНА

Домна № 2 в Златоусте, носившая прежде название Комсомольской, до сих пор отолена от комсомольцев.

НА ЗАВОДЕ Златоуста,
возле домны номер два,
не толпится что-то густо
комсомольская братва.

Об'ясните, как возможно
разгадать такой секрет,
что на домне **молодежной**
молодежи вовсе нет?

У ячейки комсомола
вместо дел одни слова:
состоят лишь... в протоколах
комсомольцы домны два!

Молодежи неуемной
посоветуем как быть:
и ячейку бы и домну
хорошо б... омолодить!

Гулик.

РАССАДНИК НЕГРАМОТНОСТИ

Тюменьская типография, печатая заводские многотиражки, допускает огромное количество грубых грамматических ошибок, зачастую искажающих даже смысл заметок. Знаки препинания совершенно отсутствуют в газетах.

Кто б разгадал такой секрет,
сказал, как это называется:
хотя в газете препинаний нет, —
корректор все же... спотыкается!

ДЕТСУДЬЯ

Хабаровский городской судья Добряков — любитель большого общества: по делу № 21600 о выселении он вызвал поголовно все население дома № 20 по Ленинской улице — 36 человек! Даже... восьмимесячного ребенка Македонову!

Скажу, от правды не уйдя
И не впадая в буквоедство:
Младенца вызвавший судья
Сам впал, повидимому, в детство!

К. Ротов

„АРАП“ В ТЕАТРЕ

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

— Ну и пьеса! Автор абсолютно не знает жизни!
— Почему?
— Ну как же. Между первым и вторым действием проходит два года, а у него герой в том же учреждении служит. Где же это видано?

Умер поэт Николай Яковлевич Агнивцев, автор популярных сатирических и юмористических произведений.

Ниже мы помещаем одну из сатирических песенок Н. Я., написанную специально для театра „Крокодила“.

МАРШ ТАРАКАНОВ

Мы—тараканы,
Такой народ:
Мы страсть ударны
Наоборот.
Мы усиками шевелим
И все дрожим, дрожим, дрожим,
Лбы у нас покрыты потом,
Как не вышло бы чего там.
Пусть уж лучше ничего,
Чем уж вышло бы чего.
Эй, тараканы!
Бей в барабаны!
Только не очень,
А—между прочим.
Марш вперед,
Наш парад!
Шаг вперед,
Два назад.
Бьет из нас мужество, как из ведра.
Ура! Ура!
Ап—чхи!
Что там за гул?
Кто там чихнул?
Караул! Караул!
Пусть солнцем залит
Весь горизонт,
На нас калоши,
Над нами зонт.
Кто разберет тот небосвод,
А вдруг случайно дождь пойдет?
И зачем нам, братцы, гнаться,
Лучше, братцы, чтоб с прохладцей
Через пень, через лопух —
Трюхи—трюхи—трюхи—трюх!
Эй, тараканы!
Бей в барабаны!
Только не очень,
А между прочим.
Марш вперед,
Наш парад!
Шаг вперед,
Два назад.
Бьет из нас мужество, как из ведра.
Ура! Ура!
Ап—чхи!
Что там за гул?
Кто там чихнул
Караул! Караул!

Н. Агнивцев.

ТРАГЕДИЯ БОБА СМИТА

Я ТЕРПЕЛИВО дожидался от официанта двухрублевой сдачи. А он выглядывал из дверей кухни и в свою очередь ждал, когда я, обессиленный ожиданием, хлопну по столу и уйду из кафе. Судя по решительному лицу официанта, он поклялся искоренить из моей головы тщедушную теорию об „оскорбительности чаевых“. Рядом со мной сидел, тоскливо нахохлившись, человек с фотоаппаратом.

Голубой костюм соседа излучал нежное заграничное сияние. Лошадиное лицо было похоже на наркодиспансеровский плакат для запугивания курильщиков.

Внезапно голубой фотограф осклабился и ринулся к окну.

В лающих звуках голоса моего соседа я различил слова, слышанные мною в кружке по изучению английского языка.

— Этот снимок мне сделает деньги! Толпа рабочих громит Красную армию! Я родился в сорочке! — бормотал мой сосед, прицеливаясь фотоаппаратом.

В это мгновение над сотнями рук в демонстрации взлетел в воздух улыбающийся красноармеец. Голубой фотограф отшатнулся от окна, и отчаяние вспыхнуло на его лице.

Жалобное выражение его лошадиной физиономии наполнило меня густой к нему жалостью. Я пустил в ход свою наличность английских слов и способов внушить к себе расположение. И я с содроганием выслушал трагическую повесть о его жизни.

Он, Боб Смит, московский корреспондент заграничных газет.

Совсем недавно жизнь Боба в Москве была тихой и лучезарной. Он ежедневно по заданию редакции заставлял московских пожарных умерщвлять газами восставших москвичей. Он же вынуждал седых академиков штурмовать ОГПУ.

Но иностранцы, работавшие в СССР, стали смеяться и посылать опровержения, а подписчики начали бить стекла в редакционных окнах. Тогда Боб дает официальные вырезки из большевистских газет. Телеграммы выглядели так:

„ВОССТАНИЕ РАБОЧИХ ЗАВОДА ИМ. СТАЛИНА.

Московская „Правда“ сообщает: „Рабочие завода им. Сталина ВОССТАЛИ против обезлички и уравниловки“. Или:

„ВОЛНЕНИЯ В КРАСНОЙ АРМИИ.

Военная газета „Красная звезда“ сообщает: „Вчера красноармейцы N-ской дивизии с ВОЛНЕНИЕМ обсуждали приказ Реввоенсовета об успешных итогах маневров“. Или:

„ЗАКРЫТО ЕЩЕ 900 КООПЕРАТИВОВ.

„Правда“ сообщает: „В Харькове насчитывается 900 ЗАКРЫТЫХ рабочих кооперативов“.

Но стекольщики попрежнему имели постоянную работу в редакции органа, где писал Боб. А редакция наседала: „Снимайте душераздирающие картины большевистских насилий. Больше снимков!“

Боб протянул мне фотоснимок нового механического завода с лозунгом на воротах: „Нет оправдания коммунистам, стоящим в стороне от соцсоревнования“. В об'ектив фотоаппарата попала только половина снимка: „Нет оправдания коммунистам“.

— Не пойдет, — сказал я, — лозунг-то висит на новеньком заводе, построенном под руководством тех же коммунистов!

Но Бобу было уже не до этого: он прислушивался к разговору соседей.

— Директор и мастера безнаказанно избивают рабочих, — рассказывал худощавый, — а уволенные сотни моих товарищей, как собаки, живут на улице. На моих глазах девять рабочих умерли голодной смертью!

Боб прыгнул навстречу говорившему. Его аппарат хищно сверкнул в глаза рассказчику.

— Где, где этот завод?

— Где? Да недалеко. Этот завод находится в трехстах километрах от советской границы.

...Я долго убеждал Боба Смита, что в СССР еще не мало недостатков, заслуживающих внимания. Он оставался неутешным. И я был даже вынужден пообещать ему общемосковское восстание баньщиков — никак не позже среды.

По дороге домой я из жалости к Бобу конфузливо закрывал спиной новые корпуса заводов. А они назойливо лезли ему в глаза...

Европейский спецкор плелся сзади меня, и его аппарат болтался у него на боку, как сума у нищего.

Н. Москвитин.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА

ГИГАНТЫ И ПОШЛОСТЬ

Магнитострой литературы?!

О, сколько статей написано по этому поводу, сколько воды выпито на диспутах о том, каким он должен быть, этот „Магнитострой“! Но о живом, действующем Магнитострое нет еще ни одной хорошей книжки. А то, что есть, — жутко взять в руки.

Николай Богданов в издательстве Огиз выпустил книжку о Магнитострое **„Гигант пятилетки“**. Берем цитаты наугад:

„Но сбросим с глаз мечтательную пелену фантазии. Завод так огромен и **страшен отсюда, с высоты**“. Однако, поборов страх, писатель решается войти в него „в те же **ворота**, откуда поступают руда и уголь“.

Утверждение о том, что руда и уголь поступают в ворота, — вообще ни в какие ворота не лезет! О соединении угля и руды автор пишет в стиле доброй памяти „Брачной газеты“:

> *„Это — жених и невеста. Он и она. Без соединения их не получится ни сына — чугуна, ни звонкоголосой дочери — стали. В самом же начале их разлучают. Уголь идет коксоваться“.*

Что делает в это время руда, — автор не говорит. Очевидно, томно вздыхает или уходит делать маникюр. Но читаем дальше:

„Огромный завод так мощно и горячо **дышит**, что создает вокруг себя **дыхание облака и горячие воздушные течения**“.

Какая потрясающая безграмотность! („Так дышит, что создает дыхание“). Что же касается „горячих воздушных течений“, то, мягко выражаясь, Богданов просто присочинил.

Но вот новое откровение:

> *„От миллиона кубометров выбрасываемого горячего воздуха, сгоревших газов с'едаются облака и тучи, не успев пролить на землю дождя. От этого дождь — редкостное явление в Магнитогорске (!)“.*

Совершенный бред! Утверждать, что домны с'едают тучи, может только человек, который преступно с'едает огизовский гонорар, бумагу и время читателей.

* * *

В „Известиях“ № 279 Борис Агапов размахнулся очерком **„Хаидживе“** — о пуске Днепрогэса. И тут дело не обошлось без сюсюканья и пошлости. Рождение Днепрогэса у автора ассоциируется с рождением ребенка. Процесс этого рождения описан с захватывающими подробностями:

> *„Мария Семенко рожала на высоком белом столе, широко расставив согнутые в коленях ноги. На одной из них вздулась и пульсировала синяя жилка... Ребенок шел, сморщенное лицо его было сердито, крошечные ручки сокращались... Палец акушерки, обмотанный марлей, залез ему в рот. Ему был перевязан пупок“.*

Почему пупок находится во рту, — известно одному только Агапову. И при чем тут пуск Днепрогэса? Что за ерунда?

Об'яснение оказывается в конце:

„— Как назовем?..

— Днипрельстан, — сказала бетонщица.—А звать будем—Днипро. Днипро Петрович“.

Судя по этому очерку, рождение самого Агапова прошло менее благополучно, — очевидно, нянька уронила.

П. М.

РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Л. Генч

Большинство зеркал, выбрасываемых на рынок, очень низкого качества.

— Какое чудное зеркало...

— Какая гадость!

Конкурс! Конкурс! Конкурс!!

„Крокодил“ об'являет конкурс на лучшую остроту, лучший анекдот и лучшую тему для рисунка.

УСТАНАВЛИВАЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ПРЕМИИ.

За тему для рисунка:

1-я премия — 150 рублей.
2-я „ — 100 рублей.
3-я „ — годовая подписка на „Крокодил“ и 50 р.

За анекдот:

1-я премия — 150 рублей.
2-я „ — 75 рублей.
3-я „ — перепл. комплект Крокодила“ за 1932 г. и 50 рублей.

За остроту:

1-я премия — 150 рублей.
2-я „ — 75 рублей
3-я „ — 50 рублей.

Срок присылки на конкурс до 1 января 1933 года.

Адресовать в редакцию, написав на конверте: „Конкурс“. Все непремированные, но принятые остроты будут оплачены в обычном порядке. Фамилии премированных будут опубликованы. Дело серьезное — дело о смехе. Пишите.

Крокодил

ПЕРЕПИСКА С НЕИЗВЕСТНЫМИ

Вопрос: Что такое разжижение мозга?

Ответ: Очень неприятная болезнь с весьма разнообразными симптомами. Так например, на станции Гшанской, Томской ж. д., наблюдался недавно случай разжижения мозга у зава столовой, который решил наказать выездную редакцию газеты „Власть советов“ за критику порядков в столовой тем, что запретил выдавать рабкорам обед. Фамилия зава — Клестов. Кроме этого, ничего хорошего о нем сказать не можем.

*

Вопрос: До чего может довести рассеянность?

Ответ: А вот до чего. В покойницкой больницы Пашитского завода (Чусовской район) администрация забыла покойника и не хоронила его целый месяц. Предполагалось, очевидно, что покойнику надоест лежать, и он сам пойдет хорониться.

*

Вопрос: Нужно ли разрешение органов Нарпита на покупку коробки спичек?

Ответ: Нет. Во всяком случае, повсеместно на территории СССР этого не требуется. Кроме, конечно, станции Прохладной, где для покупки в ЗРК 100 граммов чая требуется заявление в райснаб и письменное от него разрешение. Требуются ли для этого еще большие сургучные печати, духовой оркестр и понятые — неизвестно.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦ.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 60 коп. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский. С. Дорофеев, М. Мануильский, Л. Митницкий.

Зав. редакцией И. Абрамский. Ответственный редактор М. Мануильский

Москва. Изд. № 1011. Сдача текста и рисунков — 22/X. Подпись к печати — 31/X. Статформат А9 — 22 × 333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В—19237. 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сущевский вал, 49. Зак. № 2729 Тираж 400.000 экз.

Ю. Ганф

ОКАЗИЯ ВО ЛЬДАХ

— *Нельзя ли письмишко отправить брату в Московский зоопарк? Сами знаете, —какая здесь почта!*